

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Вячеслава Остапенко*

Составители сборника
Григорий Панченко, Артем Цветков

Лигр : антология повестей и рассказов / сост.
Л55 Г. Панченко, А. Цветков. — Москва : Эксмо, 2019. —
512 с. — (Миры Марины и Сергея Дяченко).

Феду считали ведьмой из-за характерного родимого пятна на теле. Ведь именно к Феде пришла нявка, которая когда-то была ее сестрой Люрой, а ожившие мертвецы просто так не приходят. И попробуй докажи, что дело тут не в твоих колдовских чарах...

Когда наступает очередной апокалипсис, из глубин океана выходят чудовищные глефы, разрушающие все, до чего смогут дотянуться. И перепуганным насмерть людям нет никакого дела, что эти подводные монстры и симпатичные ласковые дельфины — одно и то же. И уж тем более никому нет дела до происходящего в душе такого существа...

В сборнике участвуют Сергей Лукьяненко, Генри Лайон Олди, Святослав Логинов, Владимир Васильев и другие писатели, в том числе победители конкурса рассказов по уникальным мирам лучших фантастов Европы Марины и Сергея Дяченко.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Панченко Г., составление, 2019
© Акимова М., Батхен Н., Васильев В.,
Вереснев И., Голиков А., Демидов Р.,
Дяченко М., Дяченко С., Живетьева И.,
Иванова Е., Круш В., Лаевская Е., Логинов С.,
Лукьяненко С., Мушинский О., Образцова О.,
Олди Г. Л., Панченко Г., Родионова И.,
Сердюк С., Тихомиров М., Тихонова Т.,
Удалин С., Федорчук Е., Френклах А.,
Харькин Б., 2019
© Состав и оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098254-7

Введение

Марина и Сергей Дяченко

Юнг и дароизъявление

Классик литературы Стефан Цвейг как-то сказал: «Когда между собакой и кошкой вдруг возникает дружба, то это не иначе, как союз против повара». Но всегда ли нами движет прагматизм?

Когда нам предложили идею сборника по нашим мирам, мы, честно говоря, растерялись. Разве можно войти в одну и ту же реку дважды? Мы, конечно, знали о таких сборниках. Нам не нравится легкомысленный, как порхающая бабочка, термин «фанфик», хотя ныне этот жаргонизм есть признанный литературный жанр, имеющий свою историю, виды, классификацию. Нам больше нравится слово «трибьют» от английского слова «tribute», означающее в том числе «коллективный дар». Это ж куда более благородно, правда? И адекватно, с нашей точки зрения, обозначает суть предложения как некий подарок его авторам, который они, быть может, и не заслужили.

Но что нам делать, если подарки окажутся не по душе? Мы ведь люди привередливые в плане художественного качества и себя беспощадно рубим, если оно нас не устраивает. Но себя — это можно. А других, в том числе незнакомых нам людей, которые искренне творили, а мы отплатим им черной неблагодарностью?

Страшно было соглашаться. Нас уговаривали примером успешных сборников по мирам братьев Стругацких. Но мы помнили, как колебался Борис Натанович, раздумывая, поддержать ли эту идею...

Был еще один аргумент, который использовал застрельщик проекта, писатель и ученый Григорий Панченко. Он проводит конкурс рассказов по нашим мирам, где мы выступаем в качестве жюри. Если, мол, произведения окажутся достойными, то тогда и будем говорить о сборнике. Поддержал эту идею и Дмитрий Малкин, заведомо фантастики издательства «Эксмо». Помог и Артем Цветков. Спасибо им.

Мы согласились. И через некоторое время прочли тексты, поданные на конкурс. И знаете, какая основная эмоция? Радость и благодарность! А еще, если хотите, — удивление. Оказывается, семена наших миров могут инициировать столь непредсказуемые, порою парадоксальные всходы! Знаете, в генетике есть понятие гетерозиса, который возникает при межвидовой гибридизации. Она очень редко приносит плоды. Но бывает. Вот, скажем, что такое «лигр»? Это гибрид льва и тигра. Они очень крупные, умеют хорошо плавать, общительны. Это нечто невозможное — но очень симпатичное.

Мы рады, что наши произведения послужили катализатором безудержной фантазии конкурсантов, при этом реализованной в прокрустовом ложе литературного качества. И можем вполне присоединиться к мнению Бориса Натановича Стругацкого, которое может быть эпиграфом к такого рода книг:

«Теперь, когда этот сборник лежит передо мною, я несколько не жалею о своей уступчивости. Эксперимент удался. Миров, выдуманные Стругацкими, по-

лучили продолжение, лишний раз этим доказав свое право на независимое от своих авторов существование... Этот сборник возвращает нам ставшие уже привычными миры, только увиденные другими глазами и обогащенные иным воображением».

Победителями конкурса стали Екатерина Федорчук и Роман Демидов. Их рассказы, а также другие лучшие произведения других конкурсантов, стали основой сборника. Удивляет разнообразие жанровой палитры этой антологии — от социальной драмы, хоррора, боевика до лирики, романтики и веселого юмора. Здесь каждый найдет свое.

К победителям конкурса потом присоединились тексты от маститых писателей — Сергея Лукьяненко, Святослава Логинова, Генри Лайона Олди, Владимира Васильева, Ники Батхен, Инны Живетьевой. В результате получилась уникальная полифония неожиданного.

Григорий Панченко распределил все тексты по разделам, написал интересные подводки. Причем они написаны так, что не раскрывают тайну истории, но дают возможность понять ее предысторию, тот родник, из которого черпалось вдохновение автора. Поэтому сборник могут читать и те, кто нас не читал.

Григорий представил в этой книге не только свой рассказ, участвующий инкогнито в конкурсе, но и фрагмент «Бестиария» по нашим мирам, увлекательной книги, которая, как мы надеемся, вскоре увидит свет.

Кроме этого предисловия, мы в сборнике написали и послесловие, где поделились своим творческим опытом. Если хотите, это такой наш развернутый ответ на традиционный вопрос «Как вы пишете вдвоем?». В раздел входят фрагменты интервью, которые мы да-

вали в разные годы и в разных странах, в том числе недавнее интервью Дмитрию Быкову, с которым мы общались в Лос-Анджелесе. Но основа раздела — это рубрика «Постскриптум. Моменты счастья», которую мы ежемесячно вели в 2017 году в журнале «Мир фантастики». Эти тексты расширили, заново отредактировали, впервые собрали все воедино. Это размышления о нашей жизни, о том, как рождались идеи и сюжеты тех книг, по которым и создан этот сборник. И о том, что такое счастье.

А счастье это — и в том, что мы получили такой вот коллективный подарок от авторов, составителей, издателей этого сборника. Карл Густав Юнг твердил о доминанте в обществе коллективного бессознательного, но этот сборник — проявление коллективного сознательного.

И теперь можем сказать вам, дорогие друзья — спасибо за этот чудесный дар!

1

До и после

Те, кто знаком с творчеством Дяченко, знают: за каждым их произведением, будь то цикл из нескольких романов или короткий одиночный рассказ, стоит целый мир. В некоторых случаях его фантастическая «инакость» видна с первого взгляда. Почти столь же часто он очень близок к нашему, но все же иной. Живой мир. Существующий по своим собственным законам.

И если это действительно так (а это так!), то подобные миры могут развиваться. Обретать или утрачивать новые знания. Входить в технологическую стадию (даже если в этих мирах действовала и продолжает действовать магия). Погибать. Перерождаться. Мы можем знакомиться не только с их будущим, но и с прошлым. Причем в этом смысле любой отдельно взятый обитатель такого мира (не только человек) равнозначен самому миру.

Рассказы, с которыми вы ознакомитесь в этом разделе, представляют собой литературные эксперименты на тему миров Марины и Сергея Дяченко. Их прошлого, будущего, а порой и «альтернативного настоящего»: на территории фантастики допустимо и не такое.

Ника Батхен

Что мне дорого

«Сдвоенная» вселенная романов «Варан» и «Медный король»: та самая, которую один из очень известных современных фантастов назвал эталонной в смысле фэнтезийного мироустройства. Очень насыщенная фантастической фауной, диковинными народами, обычаями, идеями и событиями. Настолько насыщенная, что давать ей краткое описание — дело совершенно безнадежное. Одно ясно: если говорить о цивилизационной стадии, этот мир пребывает в очень странном, предельно фэнтезийном, но все-таки в средневековье.

Однако эта вселенная ведь способна взростеть, как то свойственно живым мирам... Через несколько веков в нем наверняка появятся все атрибуты современной жизни: авиация, компьютерные игры, психоанализ, даже генная модификация — позволяющая откорректировать «зверо-человеческий» компонент, иногда проявляющийся в наследственности одного из тамошних племен.

Но все равно в этом мире останется магия. И останется загадочный Медный король, которому можно предложить: «возьми, что мне дорого, дай, что мне нужно» и стать всемогущим... а потом обращаться снова и снова... пока нечего станет предлагать... кроме самого себя...

А еще в этом мире детям, как и много веков назад, рассказывают сказки о страннике по прозвищу Бродячая искра, который складывал печи в домах, в которых гостил подолгу. И в доме, где он сложит печь, рождался новый маг...

Закатный свет отражался от окон башен, слепя и путая летунов. Гисла мимолетно обрадовалась темным очкам — рабочий день утомил глаза. Как и тысячи дней до того, Гисла оценивала сокровища — просма-

тривала и взвешивала яростные рубины, пронзительно голубые топазы и переливчатые александриты. Калибровала по цвету, форме, мельчайшим трещинам или мути, разглядывала каждую грань сквозь тяжелую лупу, оценивала с точностью до монеты.

Господин директор высоко ценил зоркого ювелира и закрывал глаза на многое — на женский пол, статус матери-одиночки, сомнительное происхождение и скверный нрав. Гисла была лучшей и брала за работу вполонину меньше, чем взял бы мужчина. Поэтому делала все, что хотела. Почти все. Ей хватало на квартиру, обставленную по последнему слову техники, на элитную школу и дорогие игрушки для сына, на бесценную игрушку для себя. За рулем летуна Гисла чувствовала себя свободной и совершенно счастливой. Порой она срывалась за город посреди ночи — нарезать круги над полями, в опьяняющей темноте, смотреть на звезды, подставлять ветру пылающее лицо и ни о чем не думать. Но минуты полета выдавались все реже.

На приборной доске красовалась голограмма. Упрямое лицо сына не удалось приукрасить, ребенок смотрел хмуро и пристально, сжимал тонкие губы, черные волосы в беспорядке спадали на лоб. Умный мальчик — преподаватели льют елей, восхищаясь его смекалкой, математическими способностями, изысканным ходом мыслей... А потом вызов в школу, унижение, подарки, угрозы — и поиск нового места. Ильмарин дрался редко, но не знал ни пощады, ни мальчишеских правил. В первом классе сосед обозвал его ублюдком, сын недолго думая достал циркуль и приколотил руку обидчика к парте. В третьем за украденные часы — дедовы, дорогие, с чеканным черным

узором — сбросил воришку с лестницы и наступил на пальцы. Был бы отец... но отца у мальчика не было.

Приборная карта мигнула — цель найдена. Гисла виртуозно посадила летуна на площадку высоты и спустилась на пятый этаж в прозрачном, светящемся лифте. Магазин «Бродячая Искра» еще работал. Куклы, похожие на живых младенцев, моргали, хихикали и наперебой звали мам. Чудовища качали длинными шеями, разевали зубастые рты и шипели — Гисла всегда опасливо обходила этот отдел. Ей нужна была головоломка, лабиринт Мирте — точная копия подземного лабиринта, много веков назад построенного великим зодчим. Он выглядел совсем настоящим — с ловушками и подвесными молотами, с ножами, вылетающими из стен, с клубами дыма и хищными поползнями, с огненной змеей в середине. Голографический человечек, повинувшись безмолвным приказам игрока, должен был пробиться в центр, сразить чудище, забрать приз — копию древней короны императоров Мирте — и вернуться назад другим путем. Игрушка стоила много, Гисла считала ее чересчур дорогой для десятилетнего мальчика. Но она уже не первую неделю задерживалась на работе, пропустила субботний обед и воскресную прогулку... Порадую сына хоть так!

Продавец, зевая, упаковал подарок. Гисла смотрела, как сонно движутся толстые пальцы, покрытые белесыми волосками, как скользит между ними голубая бечевка, и злилась, злилась. Надо успеть прикупить свежих фруктов для Фуксы, пушистой носухи, уже пять лет делившей с ними жилье. Гисла не любила животных, но Ильмарин так просил... и теперь неуклюжая, пахнущая гнилыми яблоками, полная бездумной радости зверушка носилась по дому, подворачиваясь

под ноги в самый неподходящий момент. И мальчик играл с ней, учил подавать лапу и приносить тапочки, разрешал спать в его постели и совать длинный нос в его завтрак. Иногда чудилось, что носуху сын любит больше, чем маму.

Пакеты с покупками полетели на заднее сиденье. Гисла нажала педаль и с места поднялась вверх. Десятый час, а в десять сын уже должен лечь — так пропи-сали врачи. Приборная карта замерцала, прокладывая маршрут, до дома оставалось уже недолго. Сияющий мириадами огней вечерний город раскинулся далеко, тысячи летунов пересекали небо, огромные воздухо-леты, полные пассажиров, неторопливо ползли сквозь легкие облака. Пешеходы оставались внизу.

Когда Гисла вошла в квартиру, мальчик еще не спал. Но встречать маму не вышел — в детской еле слыш-но играла музыка, раздавался грохот, треск и азарт-ные выкрики — опять воюет. И носуха тоже не пока-залась — опять дремлет где-то в шкафу с бельем или греется у сушилки. Лентяйка Фукса! Первым делом — снять каблуки, всунуть усталые ноги в мягкие тапоч-ки. Затем пройтись по квартире — посуда в мойке — значит поел, грязная форма на полу в ванной — по крайней мере донес. Клетчатая рубашка едва ощутимо пахла молодым потом — взрослеет парень. Щелкнув пультом, Гисла сделала себе горячего молока с пря-ностями и медленно выпила, чувствуя, как с каждым глотком прибывает сил. Сполоснула миску, положила носухе порезанный апельсин. Теперь можно и к сыну!

На стук двери Ильмарин едва повернул голову:

— Мааа?

Какой бледный! И под глазами круги. Обязательно надо в выходные выбраться в парк или на побере-

жье — весна все-таки. А вот целовать в теплую макушку уже нельзя и обнимать костлявое горячее тело тоже — сын давно избегал ласки.

— Как дела в школе, Иль? Все в порядке?

— Блестяще по навигации, блестяще по математике, примерно по плаванию, ни с кем не дрался, обедал, был вежлив. Что еще ты хочешь знать, ма?

«Что ты думаешь. Что ты чувствуешь. Что скучал без меня». Гисла старательно улыбнулась.

— Посмотри, что я тебе привезла. Сюрприз!

Голубые глаза сына блеснули, губы дрогнули в нервной гримасе. Удивление? Любопытство? Усталая Гисла ждала радости и не сумела скрыть этого.

— Тебе не нравится, милый?

— Все в порядке, ма. Я давно мечтал о лабиринте Мирте. Можно поиграть?

— Нет. Сегодня уже поздно, завтра вернешься из школы и играй сколько захочешь. Что нужно сказать маме?

— Спасибо.

Сын поднялся со стула, подошел и привстал на цыпочки. Ритуальный поцелуй в щеку оказался холодным. Ну и ладно. Утро вечера мудренее. Прикрыв дверь в детскую, Гисла отправилась в спальню, аккуратно повесила на плечики рабочий костюм, закапала глаза, надела ночную маску и провалилась в сон, едва опустившись на простыню.

Будильник выдернул ее из кошмара — привычного, липкого, повторяющегося почти еженощно. Ледяное болото засасывало Гислу — по колени, по пояс, до самого сердца. Проворные черви ползали под одеждой, забивались в глаза и ноздри, мешая дышать. Тьма окутывала, зрение отказывалось служить, горло стиски-

вала петля. А Рейберт, ее муж, ее возлюбленный, ее жизнь, уходил, не оборачиваясь, двигался к горизонту, туда, где мерцал и таял безразличный свет луны. Возьми, что мне дорого. Дорого. Мне. Возьми..

Холодный душ кое-как смыл дурной сон. Детская звукалка уже играла дурацкие песенки — Гислу от них тошнило, но Ильмарин просыпался лучше и собирался без ссор, если из пестрого ящика верещало про колеса, кораблики и веселых парней. Завтрак красовался на столике — две яичницы с зеленью, два тоста с горячим сыром, два стакана сквашенной с вечера простокваши. И не надо больше стоять у плиты — достаточно нажать кнопку.

Подбирая поджаристой корочкой последние капли желтка, Гисла оглядела кухню — миска Фуксы по-прежнему полна. Странно, у носухи всегда прекрасный аппетит!

— Шух-шух-шух! Хулиганка, куда ты спряталась? Шух-шух-шух!

Всматриваясь во все углы, Гисла прошла по квартире. В шкафу с бельем пусто. В кладовой пусто. В ванной пусто. В прихожей сиротливо валяется старая тапочка — любимая игрушка носухи. На балкон убежала? Выпала из окна?

Сонный Ильмарин вышел из детской с полотенцем через плечо. Пижама уже коротковата ему, тощие щиколотки торчат.

— Милый, ты не видел, где Фукса? Не пойму, куда она спряталась.

— Я отдал ее Медному королю, — сказал Ильмарин.

— Что. Ты. Сделал, — медленно спросила Гисла.

— Отдал ее Медному королю. Понимаешь, ма, я очень хотел лабиринт. Ты давно обещала и не поку-